

В. МАЖЮЛИС

К БАЛТИЙСКОМУ И ИНДОЕВРОПЕЙСКОМУ ДАТИВУ ЕД. Ч. (Продолжение)

§ 11. При реконструкции балтийской *u*-основной формы дат. п. ед. ч., как и *o*-основной формы дат. п. ед. ч., большое значение мы придаем вообще известному, однако не получившему удовлетворительного объяснения, факту, что в литовских говорах флексии *-uo*, *-u*, *-ui* являются соответственно одинаковыми и в *o*-основной, и в *u*-основной форме дат. п. ед. ч. (см. § 3). Поскольку флексии лит. (*vil̃k*)-*ui*, (*vil̃k*)-*u*, а тем более (*sūn*)-*ui*, (*sūn*)-*u* не восходят к предполагаемой и.-е. **-ōi* или к и.-е. **-ō* (см. §§ 7–8), то, следовательно, данные *-ui* и *-u* не могут быть исконными в *o*-основе, однако нет никаких помех признать их *u*-основными (см. ниже). Далее, если же флексии (*vil̃k*)-*uo* = (*sūn*)-*uo* возводить к древнейшей **-ō*, то это будет верным только для (*vil̃k*)-*uo* (см. §§ 7–8), но не для (*sūn*)-*uo* (*u*-основа!); возводя (*sūn*)-*uo* к исконному **-ō*, мы должны признать исконной *o*-основную **-ō* (дат. п. ед. ч.) для *u*-основного дат. п. ед. ч., а это еще более недоказуемо, чем Бругмановская гипотеза (см. § 10). Наконец, если же флексия лит. (*sūn*)-*uo* (*u*-основа) не может быть признана заимствованием у *o*-основ (см. § 10) и, тем более, нет основания считать ее нововведением, при учете общеизвестного, что литовско-латышский *uo* может восходить не только к и.-е. **ō*, но и к первоначальному *u*-дифтонгу, то остается единственно вероятным вывод: дативная (ед. ч.) флексия лит. (*sūn*)-*uo* (*u*-основа) восходит к и.-е. **-o/eu* > балт. **-oĩ*⁴⁵, между тем как дативная (ед. ч.) лит. (*vil̃k*)-*uo* (*o*-основа) возводима, как уже говорилось, только к и.-е. **-ō* > балт. **-ō* [относительно флексии интонации лит. (*vil̃k*)-*uo* см. сноску № 118].

§ 12. При этом следует напомнить общеизвестное: литовско-жемайтская форма *u*-основного датива (ед. ч.) одинакова с формой *u*-основного локатива (ед. ч.), т. е., та же флексия — жем. доун. *-ōi* = жем. дун. *-ĩ*

⁴⁵ Литовско-латышский *uo* (из *u*-дифтонга) вполне может восходить к балт. **oĩ* (=лит. *ai*) <и.-е. **ou resp. *eu* (ср. J. Kuryłowicz, Łotewsko-litewska monoftongizacja *ai, ei* → *ie*, — ВРТЖ XV 123–125), см. §§ 13–14.

(разница только в том, что в дативе она безударна⁴⁶, а в локативе — ударна resp. безударна). Флексия лит.-жем. доун. *(sūn)-ou* = лит.-жем. дун. *(sūn)-ū* в дативе (она же безударна) соответствует литовско-аукштайтской дативной диал. *(sūn)-uō*⁴⁷ (§ 3 в), а в локативе (она же ударна-безударна) — латышской локативной диал. *(med)-uo* < *-*uoje* (постпозитивной), предполагающей непостпозитивную акутовую лит.-лтш. *-*úo*⁴⁸ (относительно акутовости см. еще ниже). Я. Эндзелин локативную лит.-лтш. **(med)-úo* возводит к и.-е. *-*ō(u)*⁴⁹. Надо сказать, что в данном возведении имеются определенные сомнения и у самого Я. Эндзелина: „Восходит ли *-uo* в литовско-латышском *-*uo-je* [т. е. *u*-основный местн. п. ед. ч. — В.М.] к иде. *ōu* или к *ō*, не может быть установлено, так как фонетически и то, и другое возможно“⁵⁰. Переход и.-е. *-*ōu* > *-*ō* для *u*-основного локатива (ед. ч.), по крайней мере славяно-балтийского, не доказуем: единственно кажущийся очевидным и это якобы подтверждающий аргумент — флексия типа русс. *(д́ом)-а* „*domī*“ — не может быть состоятельным (русс. *д́ом-а* „*domī*“, по нашему мнению, не является *u*-основной формой resp. не может восходить к и.-е. *-*ōu*⁵¹). К тому же, если придерживаться гипотезы Эндзелина, то дативная (ед. ч.) флексия лит.-лтш. **(med)-uō* (*u*-основа), поскольку ее целесообразно выводить из *u*-дифтонга (см. § 15), так же должна восходить к и.-е. *-*ōu* > *-*ō*, однако последняя скорее всего дала бы в литовско-латышском акутовую *-*úo* (но акута в дативе ед. ч. нет). Следует напомнить, что для Я. Эндзелина данный лит.-лтш. *uo* (из *u*-дифтонга) в конце слова,

⁴⁶ Как показывает отсутствие сокращения *u*- и *o*-основной флексии дат. п. ед. ч. в жемайтском, она же сравнительно недавно была ударной (-безударной), ср. соответственно сказанное о прусс. *(sīr)-u* < балт. *-*ō* (дат. п. ед. ч., *o*-основа) — *Baltistica*, I(1) 19.

⁴⁷ Акцентуационным знаком над окончанием *-uō* здесь (как и в некоторых местах дальше) мы обозначаем, разумеется, интонацию (не ударение, которое для современного литовского дат. п. ед. ч. и без того является ясным, — оно не в конце слова).

⁴⁸ Относительно акутовости данной локативной *-*úo* ср., в частности, лтш. диал. *-uōj* (J. Endzelīns, *Latviešu valodas gramatika*, 444) и J. Kazlauskas, *Daiktavardžiu (i)-u- linksniavimo nykimas*, — ЛКК II 27—28. Что касается интонации в локативной флексии, напр., лит.-жем. доун. *(sūn)-ōu*, то циркумфлекс здесь не противоречит сказанному: акут → циркумфлекс в открытом конце слова (разумеется, при несократившейся долготе).

⁴⁹ J. Endzelīns, *Latviešu valodas gramatika*, 444; его же, Славяно-балтийские этюды, 179.

⁵⁰ И. Эндзелин, Славяно-балтийские этюды, 179 (разрядка наша. — В. М.), ср. и его же, *Latviešu valodas gramatika*, 444.

⁵¹ В какой-то мере ср. ст.-сл. *(dom)-ъ* (*u*-основа): лат. *(dom)-us* (*u*-основа), но лат. *(dom)-ī* „дома“ (видимо, *o*-основная флексия) : русс. *(д́ом)-а* „*domī*“ (видимо, *o*-основная флексия), — подробнее об этом в данной статье, однако, не будем говорить.

кроме лит.-лтш. **(med)-uo* (местн. п. ед. ч.), кажется, не существует⁵². Поэтому Я. Эндзелин, говоря о лит.-лтш. *uo* (из *u*-дифтонга), имеет в виду, главным образом, его положение в середине слова: „Zweitens ist lett.-lit. *uo* wahrscheinlich aus ursprünglichem *ōu* entstanden, wobei kaum zu unterscheiden ist, ob der Verlust des *u* vor oder nach der Entstehung des *uo* aus *ō* stattgefunden hat: so z. B. vielleicht in lett. *dúobe*, lit. *duobė* „Grube“ neben lit. *daubà* „Höhle“⁵³.

§ 13. Относительно происхождения монофтонга лит.-лтш. *-uo-* (не из и.-е. **-ō-*), т. е. данного *uo* в (литовско-латышских) словах типа лит. *duōb-ę* (вин. п. ед. ч. от *duob-ė* „яма“) = лтш. *dūob-e* (им. п. ед. ч.) должно быть сказано следующее. Как показывает апофоническая краткостность корня лит. *daīb-q* (вин. п. ед. ч. от *daub-à* „лощина, яма“) и лит. *dūb-ti* „впадать“ = лтш. *dub-t* „т. ж.“ (= лит. *dūg-nas* < **dub-nas* = ст. сл. *dъ-no* < **dub-no* и т. д.), монофтонг лит. *-uō-* = лтш. *-ūo-* в данных лит. *d-uō-b-ę* = лтш. *d-ūo-b-e* должен восходить не к первоначальному долговому *u*-дифтонгу (в роде предполагаемого и.-е. **-ōu-*), а к краткому *u*-дифтонгу балт. **-oi-*, ср. лит. *d-aĩ-b-q*. Что же касается литовско-латышских слов того же типа с акутовым *-iō-*, напр., лит. диал. *d-iō-b-ę* (= лит. диал. *d-uō-b-ę*) и лтш. диал. *d-iō-bjš* „tief, dumpf“ (= лтш. диал. *d-ūo-bjš*) или лит. *l-iō-bas* „луб“ и лтш. *l-iō-bs* [: серб. *л-ѱ-б*⁵⁴, ср. лит. *l-ù-bos* „потолок“, *l-u-bà* „доска (потолочная)“, прусс. *l-u-bbo* „Brett“], то акутовость здесь предполагает, по всей видимости, метатонию „циркумфлекс (ср. лит. *d-aĩ-b-q*: *d-ù-bti* resp. серб. *л-ѱ-б* : лит. *l-u-bà*⁵⁵)→акут“, происходившую, вероятно, не раньше той эпохи, в которую литовско-латышский (но не прусский) знает монофтонгизированный *uo* (из *u*-дифтонга), т. е. в сравнительно позднюю эпоху⁵⁶. Однако в словах типа лит. (диал.) *pl-iō-stas* „паром“ = лтш. *pl-iō-sts* акутовость корневого вокализма предшествует процессу монофтонгизации *u*-дифтонга (в таких словах), ср. лит. *pl-á-u-s-tas*, серб. *пл-ѱ-то* „Kork“ : *пл-ѱ-ти* „плыть“⁵⁷. Иначе говоря, монофтонг лит. *(pl)-iō-(stas)*, как и лит. *(pl)-á-u-(stas)*, может предполагать первоначальный долгий

⁵² Однако, в действительности, подобных случаев в литовском и особенно в латышском гораздо больше, см. § 15.

⁵³ J. Endzelin, *Lettische Grammatik*, 39 (разрядка наша. — В. М.) = J. Endzelins, *Latviešu valodas gramatika*, 58-59.

⁵⁴ Серб. *л-ѱ-б* < сл. **-oi-* (краткий дифтонг).

⁵⁵ Корневой вокализм — не акутовый!

⁵⁶ Подробнее об этом — когда и каким образом появился лит.-лтш. *uo* из *u*-дифтонга — см. ниже.

⁵⁷ Корневой вокализм — акутовый!

и-дифтонг, однако не балт. **-ōu-* < и.-е. **-ōu-*, а балт. **-ōu-*⁵⁸, точнее, дифтонг и.-е. **-ou-* (*resp.* **-eu-*)⁵⁹, который стал долгим не в праиндоевропейскую, а в балтийскую *resp.* балто-славянскую эпоху. Если же дифтонг и.-е. **-ou-* стал бы долгим в праиндоевропейском — и.-е. **-ou-* → и.-е. **-ōu-* > балт.-сл. **-ōu-*, то отсюда получились бы не лит. *-ūo-* = серб. *-ÿ-*, а что-то в роде лит. (балт. **-ōu-* > **-uo-* **-ÿ-*⁶⁰ >) **-ū-* = серб. (сл. **-ōu-* > **-ÿ-* > **-ÿ-*⁶⁰ >) **-u-* или даже лит. (балт. **-ōu-* > **-uo-* >) *-uo*⁶¹ = серб. (сл. **-ōu-* > **-ÿ-* > **-ū-*⁶¹ >) **-u-*. В высшей степени сомнительным является и само допущение, что, напр., балто-славянский в середине слова знал и.-е. **-ō-* + (постоянно тавтосиллабичный) сонант, в данном случае, — дифтонг и.-е. **-ōu-* (> балт.-сл. **-ōu-*)⁶². О невероятности возведения лит.-лтш. *-uo-* (из *и*-дифтонга) к и.-е. **-ōu-* > **-ō-* свидетельствуют многие факты, ср., наконец, в лит. *d-aũ-bą* (: *d-uõ-bę*), серб. *л-ÿ-б* (: лит. *l-ūo-bas*), лит. *pl-á-u-stas* (: *pl-ūo-stas*), который уж никто не возводит к и.-е. **-ōu-* (> **-ō-*).

§ 14. Соответственно аналогичное тому, что выше отмечалось относительно лит. лтш. *-(au)uo-* = серб. *-y-*, следует сказать и о лит.-лтш. *-(au)uo-* = серб. *-y* (судьба балто-славянского *и*-дифтонга в исходе слова), т. е., напр., об *и*-основной локативной (ед. ч.) флексии лит.-лтш. **(med)-ūo-* = серб. *(cád)-y* (ср. лит. *pl-ūo-stas* = лтш. *pl-uõ-sts* и серб. *пл-ÿ-то*)⁶³, которую возводить к предполагаемой и.-е. **-ōu-* (> балт.-сл. **-ōu-*) не целесообразно даже и потому, что особая локативная форма, как таковая, т. е. как „парадигматическая“ (так ее будем называть), видимо, не является праиндоевропейской⁶⁴. О сравнительно небольшой древности локативной формы (как таковой) лит. **(sún)-uo-* = серб. *(cád)-y* (как и др.-инд. *sūn-āu*) свидетельствует, *mutatis mutandis*, и то обстоятельство, что данная лит. **-uo-* = серб. *-y* (если здесь принимать довольно древнюю акутовость) должна восходить не к и.-е. **-ōu-* > балт.-сл. **-ōu-*, а к балт.-сл. **-ōu*⁶⁵, точнее, — к дифтонгу

⁵⁸ „Традиционно“: балт. **-āu-*.

⁵⁹ Ср. др.-инд. *pl-áv-ate*, гр. *πλέω* < **πλ-εF-ω* и др.

⁶⁰ Сокращение тавтосиллабических долгот происходило сравнительно недавно, см. *Baltistica* I (1) 26.

⁶¹ Т. е. допустим, что неслоговой **-u-* в данном дифтонге отпал, но это должно было происходить также не в праиндоевропейском, см. *Baltistica* I (1) 26—30.

⁶² См. *Baltistica* I (1) 22 и др.

⁶³ Где представлены лит. **-ūo-* = серб. *-y* (ср. лит. *-ūo-* = серб. *-ÿ-*), а не что-либо другое (напр., лит. **-ūo-* = серб. **-u* и т. п.).

⁶⁴ Ср., напр., J. Kuryłowicz, *The Inflectional Categories of Indo-European*, Heidelberg, 1964, 195; В. В. Иванов и В. Н. Топоров, К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков, Москва, 1958, 16—17; в этой же связи особо подчеркивает: В. Н. Топоров, Локатив в славянских языках, Москва, 1961, 275 и сл.

⁶⁵ „Традиционно“: балт.-сл. **-āu-*.

и.-е. *-ou (resp. *-eu), ставшему долготным не в праиндоевропейском, а в балтийском resp. в балто-славянском (др.-инд. *sūn-āu* из и.-е. *-ou resp. *-eu стал таковым в индоиранском), ср. вышесказанное о генезисе лит. -*úo* = =серб. -*ÿ*- (середина слова).

Следовательно, как в середине, так и в конце слова данный (акутовый и циркумфлектированный) лит.-лтш. *uo* (=серб. *y*) не восходит к традиционно предполагаемому и.-е. **ōu* (>**ō*) — „здесь идет речь о явлении литовско-латышского происхождения, а не о мифическом чередовании *ou:ōu* индоевропейского происхождения“⁶⁶. Что же касается самого генезиса литовско-латышского *uo*, невосходящего к и.-е. **ō* resp. корреспондирующего с серб. *y* (ст.-сл. *и* и т. п.), то это в самых общих чертах верно объяснено Е. Куриловичем; он же считает, что такой лит.-лтш. *uo* своим происхождением обязан образованию апофонического ряда *u-ai-uo*, структурно обусловленного и вызванного ранее образовавшимся апофоническим рядом *i-ai-ei-ie*⁶⁷.

§ 15. Таким образом все аргументы говорят о том, что не только локативная (ед. ч.) флексия лит.-лтш. *(*med*)-*úo* (=серб. -*y*), но и дативная лит.-лтш. *(*med*)-*uō* (=русс. *сын-у*⁶⁸) восходят к *u*-дифтонгу: лит.-лтш. *(*med*)-*úo* (мест. п. ед. ч.) — к балт. **-ōu* (<и.-е. **-ōu* resp. **-ēu*, см. §§ 13 — 14), а лит.-лтш. *(*med*)-*uō* (дат. п. ед. ч.) — к балт. **-ōu* (<и.-е. **-ōu* resp. **-ēu*). Ср. в этой связи соотношение лит. (*sūn*)-*uo* (дат. п. ед. ч.) : (*sūn*)-*aũ(-s)* (род. п. ед. ч.) : (*sūn*)-*ù(-s)* (им. п. ед. ч.) = лит. (*d*)-*uo(-bė)* : (*d*)-*au(-bà)* : (*d*)-*ù(-bti)* и ст.-сл. (*syn*)-*u* (дат. п. ед. ч.) : (*syn*)-*u* (род. п. ед. ч.) : (*syn*)-*ъ* (им. п. ед. ч.) = русс. (*л*)-*у(б)* : ст.-сл. (*s*)-*ъ(-nъ)* и т. п. Правда, тут же может возникнуть вопрос: почему монофтонгизация флексии *u*-дифтонга в литовском произошла только в формах датива и локатива ед. ч., а не, скажем, и в (*sūn*)-*aũs* (род. п. ед. ч.), (*sūn*)-*aũ* (зват. п. ед. ч.), хотя ср. *i*-основные (*av*)-*iēs* <**-eis* (род. п. ед. ч.), (*av*)-*iē* <**-ei* (зват. п. ед. ч.). Ответ на подобный вопрос в самих общих чертах дан уже Е. Куриловичем, который говорит, что апофония *ai : uo* является только вторичным и слабым отражением морфологического отношения *ai (resp. ei) : ie*⁶⁹. Иными словами, не следует удивляться тому, что литовские, напр., (*āv*)-*ie* <**-ei* : (*sūn*)-*uo* <**-ou* (дат. п. ед. ч.) в отношении соответствующей монофтонгизации не являются параллельными литовским (*av*)-*iēs* <**-eis* : (*sūn*)-*aũs*

⁶⁶ J. Kuryłowicz, Łotewsko-litewska monoftongizacja *ai, ei* → *ie*, — ВРТJ XV (1956) 125.

⁶⁷ J. Kuryłowicz, op. cit., 123 — 125.

⁶⁸ О том, что русс. (*сын-, волк*)-*у* (=ст.-сл.-*и* и др.) является *u*-основной флексией (восходящей к сл. **ou*), см. § 17.

⁶⁹ J. Kuryłowicz, op. cit., 123.

(род. п. ед. ч.) или *(av)-iē* < **-ei* : *(sūn)-aũ* (зват. п. ед. ч.). Кстати, латышский язык и флексии типа лит. *(av)-iēs* : *(sūn)-aūs* (род. п. ед. ч.) resp. *(av)-iē* : *(sūn)-aũ* (зват. п. ед. ч.) довел до полного параллелизма, ср. *u*-основные лтш. *(med)-us* (род. п. ед. ч.) < **-uos* (< **-ous* = лит. *-aus*) resp. *(Mik)-u* (зват. п. ед. ч.) < **-uo* (< **-ou* = лит. *-au*). Здесь же следует напомнить, что в латышском (и в некоторых литовских говорах) конечные дифтонги, соответствующие даже литературно-литовским конечным *ai*, *ei* resp. *au*, (апофонически) монофтонгизировались в лтш. **ie* (> *i*) resp. лтш. **uo* (> *u*)⁷⁰, ср. а) лтш. *ved-i* „ты вел“ < **ie* (= лтш. *ved-ie-s* „ты велся“) = лит. *ved-ei*, б) лтш. *vilk-i* „ты тянул“ < **ie* (= лтш. *vilk-ie-s*) = лит. *vilk-aĩ* „ты тянул“, лтш. *rūok-i*⁷¹ < **ie* = лит. *raĩk-ai* (дат. п. ед. ч.), в) лтш. *vilk-u* „я тянул“ < **uo* (= лтш. *vilk-uo-s* „я тянулся“) = лит. *vilk-aũ* и др.; ср. еще лит. диал. *grāž-uos* „красивые“ (*u*-основный им. п. мн. ч.)⁷², где флексия *-uos* апофонически заменила более древнюю **-ous* = лит. *(grāž)-aus* „т. ж.“ (*Anykščiai*)⁷³.

§ 16. Мы уже отмечали, что *u*-основная дативная (ед. ч.) флексия лит. *-uõ*, восходящая к лит.-лтш. **-oĩ* (см. выше), является, по всей видимости, общелитовско-латышской; данная *u*-основная лит.-лтш. **-oĩ* (дат. п. ед. ч.) имела, видимо, и „дублетную“ лит.-лтш. **u* (*u*-основный дат. п. ед. ч.), однако подробнее об этом см. ниже. После того, как литовско-латышская *u*-основная дативная (ед. ч.) **-oĩ* монофтонгизировалась, она уже, разумеется, совпала с *o*-основной дативной (ед. ч.) флексией (относительно интонации см. сноску № 118) : как *u*-основная, так и *o*-основная флексии дат. п. ед. ч. стали одинаковыми, а именно, — лит.-лтш. **-õ* > **-uõ* = лит. *(vilk-, sūn)-uo*. Таким образом, вместо дативных прабалтийской **(vilk)-õ* и прабалтийских „дублетных“ **(med)-ou* resp. **(med)-u* появились пралитовско-латышская **(vilk)-uõ* и пралитовско-латышские „дублетные“ **(med)-uõ* resp. **(med)-u* и (в некоторых литовских говорах) **(med)-u + i* > **ui*. В связи с этим наряду с **(med)-uõ* : **(med)-u* : **(med)-ui* появились и у флексии **(vilk)-uõ* варианты **(vilk)-u* resp. **(vilk)-ui*⁷⁴; позднее та-

⁷⁰ Правда, Я. Эндзелин пишет, что балт. *-ai* > лтш. *-i*, балт. **(pus)-ēi* (дат. п. ед. ч.) > лтш. *-i*, балт. *-au* > лтш. *-u* (J. Endzelīns, *Latviešu valodas gramatika*, 83), но подобные процессы совершенно не мыслимы без переходных *-ie* resp. *-uo* (кстати, засвидетельствованных и самим латышским языком, ср. соответствующие формы возвратного глагола).

⁷¹ J. Endzelīns, *op. cit.*, 414.

⁷² J. Otrębski, *Wschodniolitewskie narzecze twereckie*, Kraków, 1934, 257.

⁷³ Данная лит. диал. *(grāž)-ous* (*Anykščiai*) требует отдельного рассмотрения.

⁷⁴ Поскольку в прусском нет перехода типа лит.-лтш. *ei* resp. *ai* → *ie*, то в нем отсутствовал и переход типа лит.-лтш. *au* → *uo* (см. выше). Следовательно, в прусском никак не могли появиться *o*-основные „дублетные“ флексии типа лит. *(vilk)-u* или

кая „дублетность“ упростилась в соответствующих литовско-латышских диалектах в пользу одного из указанных вариантов.

§ 17. После всего этого целесообразно здесь сказать несколько слов и о славянских *o*- и *u*-основных флексиях дат. п. ед. ч. Некоторые ученые возводят ст.-сл. (*vlbk*)-*u* к предполагаемой и.-е. **-ōi*, ссылаясь, в первую очередь, на лит. (*vil̃k*)-*ui* и возводя данную лит. *-ui* к и.-е. **-ōi*⁷⁵. Однако данная гипотеза не вероятна не только в фонетическом отношении (и.-е. **-ōi* > ст.-сл. *-u* немыслимо), но и потому, что *o*-основный датив ед. ч. в общебалтийском имел, видимо, флексию **-ō* (см. §§ 7–9). В связи с этим вполне вероятно считать, что *o*-основный датив ед. ч. в более отдаленном общеславянском имел флексию **-ō* (=балт. **-ō*), которая впоследствии должна была, разумеется, перейти в (**-ō*⁷⁶ >) **-ā* и, следовательно, совпасть с *o*-основной генитивной (ед. ч.) флексией **-ā* (=ст.сл. *vlbk-a*)⁷⁷, однако совпадения генитивной и дативной флексий (ед. ч.) остальные славянские основы (до отпадения конечных согласных) не знали. Последнее обстоятельство после того, как *o*- и *u*-основные флексии прямых (sic!) падежей (ед. ч.) в позднем общеславянском совпали и, к тому же, в „пользу“ *u*-основы [ср. ст.-сл. *vlbk-ъ* < **-ŷ(s)* и **-ŷ(n)* = ст.-сл. *syn-ъ* < **-ŷ(s)* и **-ŷ(n)*] содействовало тому, что *o*-основную дативную **-ā* заменила *u*-основная дативная **-u* (=ст. сл. *-u*). Следовательно, дативную флексию ст. сл. (*vlbk*)-*u* необходимо признать довольно поздним заимствованием у *u*-основы⁷⁸, ср., напр., и Я. Эндзелин — „Ясно для меня так же и то, что праслав. *-u* в dat. s. основ на *-o* перенято из парадигмы основ на *-u*, причем ход развития я представляю себе следующим образом, близко сходясь с Лескином (Die Declination im Slavisch-litauischen 58) и отчасти с Богородицким (Очерки по язы-

(*vil̃k*)-*ui* (не *u*-основное, а *o*-основное имя). В той же связи можно напомнить, что графема *-o-* в топониме прусс. *Doben* должна обозначать гласный **-ŷ-* (ср. лит. *Dūbė*), а не гласный **-ō-*, как утверждают: J. Endzelins, *Senprūšu valoda, Rīgā*, 1943, 27; G. Gerullis, *Die altpreussischen Ortsnamen, Berlin und Leipzig*, 1922, 29, 216.

⁷⁵ Н. Pedersen, *Die Nasalpräsentia und der slavische Akzent KZ XXXVIII* (1905), 323 и сл.; А. Meillet, *Le slave commun, Paris*, 1924, 353–354; А. Vaillant, *Grammaire comparée des langues slaves, II. Lyon-Paris*, 31; V. Pisani, *Glottologia indoeuropea, Torino*, 1949, 110.

⁷⁶ Ср. *Baltistica I* (1) 21,27.

⁷⁷ Ст.-сл. (*vlbk*)-*a* (род. п. ед. ч.) восходит, по нашему мнению, к древнейшей resp. и.-е. **-ō*, что однако требует отдельного рассмотрения [ср. краткое замечание в *Baltistica I* (1) 20].

⁷⁸ Относительно такого мнения В. Н. Топоров нам писал (его же письмо от 31.1. 1960 г.): „Я убежден, что окончание *-u* в дат. ед. ч. *o*-основ в слав. *vlbk-u* не имеет ничего общего с **-ōi* (как думал Мейе, а за ним многие другие), и готов думать, что оно, действительно, из *u*-основ“.

коведению⁷⁹ 406 сл.), ср. так же Vondrák, Vergl. slav. Gr. II, 4.⁷⁹ Наряду с *и*-основной дативной (ед. ч.) флексией сл. **-ou* (=ст.-сл. *-u*) = лит.-лтш. **-ou* (лит. диал. *-uo*) была и сл. **-ovei* (=ст.-сл. *-ovi*), о чем см. § 21.

Следовательно, лит. диал. *vil̃k-uo* = сл. **vilk-ā* (дат. п. ед. ч.), лит. диал. *sūn-uo* = ст.-сл. *syn-u* (дат. п. ед. ч.) и лит. **sūn-úo* = ст.-сл. *syn-u* (местн. п. ед. ч.) и др.

§ 18. Соответственно аналогичное тому, что в предыдущих параграфах сказано об *и*-основных формах дат. и мест. п. ед. ч., следует сказать так же и о балто-славянских (да и не только балто-славянских, см. ниже) *i*-основных дативной и локативной флексиях ед. ч., в частности, и потому, что между *i*- и *и*-основами существует особо сильный параллелизм⁸⁰. *I*-основная дативная (ед. ч.) флексия лит. жем. *(āv)-ie* (=доун. *-ei*, дун. *-ī*) = аукшт. *-ie* (Gervėčiai, Островецкий р-н БССР) = лтш. диал. *(av)-i* < **-ie*⁸¹ = прусс. *(naut)-ei* несомненно предполагает (т. е., восходит к) общебалтийскую **-ei* = ст.-сл. *(pqt)-i* и т. п.; не менее древней, видимо, следует признать и *i*-основную дативную (ед. ч.) флексию типа лит. *(āv)-i* < **-i*. Как флексию *(āv)-ie*, так и *(āv)-i* знает и древнелитовская письменность⁸², ср. еще инфинитивную (из более древней „дативной“⁸³) лит. *(vėst)-i-s* „вести-сь“ и *(vėst)-ie-s* „т. ж.“, лтш. *(vest)-ie-s* и т. п. Нет основания сомневаться в том, что общебалтийские говоры для *i*-основного датива (точнее, „датива“, см. ниже) ед. ч. знали не только флексию **-ei* (> лит. *-ie*), но и флексию **-i* (> лит. *-i*)⁸⁴, ср. „параллелизм“ — балт. **-ei* (> лит. *av-ie* дат. п.) : **-i* (> лит. *av-i* дат. п.) = балт. **-ou* (> лит. *sūn-uo* дат. п.) : **-u* (> лит. *sūn-u* дат. п.). Поскольку *i*-основная дативная (ед. ч.) флексия лит. *(āv)-ie* : *(āv)-i* соответственно тождественна с *K*-основной⁸⁵ дативной

⁷⁹ И. Эндзелин, Славяно-балтийские этюды, 160.

⁸⁰ N. van Wijk, Zu einigen Dativ- und Lokativformen der litauischen *i*- und *u*- Deklination, ZslPh XII, 248.

⁸¹ Ср., напр., J. Endzelīns, Baltu valodu skaņas un formas, Rīgā, 1948, 131.

⁸² Ср. хотя бы G. Gerullis, Herkunft der Dative Sing. der *i*-Stämme im Baltischen AslPh XXXVIII, 57–58; B. Bezenberger, Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache, Göttingen, 1877, 127–128.

⁸³ Resp. из „дативно-локативной“ = „чистой *i*-основы“.

⁸⁴ „Dass im Urbaltischen die Endungen *-ei* und *-i* bestanden haben, unterliegt keinem Zweifel — N. van Wijk, op. cit., 241 (к этому здесь же Н. ван Вейк добавляет следующее: „allerdings aber hat sich der Gebrauch von *-i* wohl auf die konsonantischen Stämme beschränkt“ [разрядка наша. — В. М.], с чем мы однако не можем согласиться, см. ниже).

⁸⁵ Здесь и далее под *K*-основой понимается основа на любой, в том числе, и сонантический, согласный.

(ед. ч.) флексией лит. (*ākmen*)-*ie* : (*ākmen*)-*i*⁸⁶, некоторые лингвисты полагают, что *i*-основная дативная (ед. ч.) флексия лит. (*āv*)-*i* позаимствована у датива ед. ч. *K*-основ. Именно так в последнее время делает, напр., Я. Отрембский (кстати, без особой аргументации)⁸⁷; гораздо раньше аналогичное допускал Н. ван Вейк, полагавший, что дативная (ед. ч.) флексия *-i* первоначально ограничивалась только *K*-основами⁸⁸.

§ 19. Что же касается генезиса самой *K*-основной дативной (ед. ч.) флексии *-i*, короче говоря, дативной лит. (*ākmen*)-*i*, то ее Н. ван Вейк объявляет нововведением, считая, что дативный тип (*ākmen*)-*i* образовался из (поспозитивного) локативного типа (*akmen*)-*i-pi* по примеру (nach dem Muster) (*merg*)-*ai* : (*merg*)-*ai-pi* и (*žem*)-*ei* : (*žem*)-*ei-pi*, т. е. по примеру *ā*- и *ē*-основных датива : (поспозитивного) локатива⁸⁹. Однако данная гипотеза мало вероятна и, к тому же, тем более, что исходный пункт данной гипотезы — утверждение Н. ван Вейка о том, что дативная *-i* первоначально ограничивалась только *K*-основами⁹⁰ — не является состоятельными (см. конец данного параграфа). Г. Геруллис дативную (*akmen*)-*i* возводит даже к **-ie* (акутовой) < **-éi*⁹¹ (однако общеизвестно, что литовская флексия дат. п. ед. ч. не знала акута)⁹². Я. Эндзелин, по нашему мнению, гораздо более прав, чем Н. ван Вейк (а тем более, чем Г. Геруллис) : он же (т. е. Я. Эндзелин), не принимая (точнее, не упоминая⁹³) гипотезы Н. ван Вейка о генезисе дативной (*ākmen*)-*i* (о чем мы говорили выше), придерживается того мнения, что дативная (*ākmen*)-*i* (= гр. ποικίλν-ι) равно как и дативная (*ākmen*)-*ie* (= ст.-сл. *kamen-i*) являются древними (resp. исконными)⁹⁴. Что же касается генезиса дативной (*āv*)-*i* (т. е. *i*-основной), то в этом вопросе Я. Эндзелин придерживается, видимо, того же мнения, что

⁸⁶ Мы сознательно обходим молчанием данные типа лит. диал. (и др.-лит.) *āv-iai*, *vāg-iui*, *sēser-iai*, *ākmen-iui* и т. п., которые содержат явно инновационные флексии дат. п. ед. ч. (из *īā*-, *īo*- и т. п. основ).

⁸⁷ J. Otrębski, *Gramatyka języka litewskiego*, III, Warszawa, 1956, 40.

⁸⁸ N. van Wijk, *op. cit.*, 241.

⁸⁹ См. N. van Wijk, *op. cit.*, 244.

⁹⁰ См. N. van Wijk, *op. cit.*, 241.

⁹¹ G. Gerullis, *op. cit.*, 79.

⁹² Ср. у: „Unrichtigerweise nimmt Gerullis neben dem Lokativ auf *-i* für die Dative *βūni*, *ākmaṅni* eine Dativendung **-éi* > *-ie* > *-i* an“ — N. van Wijk, *op. cit.*, 243 (там же — сноска №1 : „Es ist mir jedoch nicht ganz klar, für welche Formen er von *-i* ausgeht und für welche von *-ei*“).

⁹³ J. Endzelīns, *Baltu valodu skaņas un formas*, Rīgā, 1948, 140, хотя относительно генезиса дативной *i*-основной дативной *-ie* и *-i* Я. Эндзелин ссылается на вышеупомянутую статью Н. ван Вейка, см. J. Endzelīns, *op. cit.*, 131.

⁹⁴ Т. е., Я. Эндзелин сопоставляет флексию (*ākmen*)-*i* и (*ākmen*)-*ie* с дативной (ед. ч.) флексией типа гр. (ποικίλν-ι) и ст.-сл. (*kamen*)-*i* : J. Endzelīns, *op. cit.*, 140.

и Н. ван Вейк⁹⁵. Последний, как выше говорилось, выводит $(\tilde{a}v)-i$ из $(\tilde{a}kmen)-i$. С этим согласиться мы однако не можем по нижеследующим соображениям. На основании общеизвестного, что между u - и i -основными флексиями существует соответствующий „параллелизм“, вполне вероятным является принятие „пропорции“ — 1) $(s\acute{u}n-)-uo < *-ou : (\tilde{a}v)-ie < *-ei$ ⁹⁶ = 2) $(s\acute{u}n)-u < *-u : (\tilde{a}v)-i < *-i$, т. е. „пропорции“ — 1) апофоническая „чистая u -основа“ : апофоническая „чистая i -основа“ = 2) неапофоническая „чистая u -основа“ : неапофоническая „чистая i -основа“. Иными словами, нет основания не считать, что как флексии $(s\acute{u}n-)-uo : (\tilde{a}v)-ie$, так и $(s\acute{u}n)-u : (\tilde{a}v)-i$ являются древними resp. исконными (см. еще ниже). Что же касается формального совпадения дативных $(\tilde{a}v)-ie : (\tilde{a}v)-i$ и дативных $(\tilde{a}kmen)-ie : (\tilde{a}kmen)-i$, то оно в действительности является только формальным. В генетическом отношении совпадения тут нет: $(\tilde{a}v)-ie < *-ei$ и $(\tilde{a}v)-i < *-i$ представляют „чистую основу“ (точнее, „чистую i -основу“) а $(\tilde{a}kmen)-ie < *-ei$ ⁹⁵ и $(\tilde{a}kmen)-i < *-i$ ⁹⁷ — „чистую основу“ + $*-i$ (точнее, „чистую K -основу“ + $*-i$ ⁹⁷); т. е., в этом же смысле дативные: $(\tilde{a}v)-ie < *-ei \neq (\tilde{a}kmen)-ie < *-ei$ и $(\tilde{a}v)-i < *-i \neq (\tilde{a}kmen)-i < *-i$. На этот раз оставляя в стороне дативные $(\tilde{a}kmen)-ie : (\tilde{a}kmen)-i$, мы подчеркиваем здесь то обстоятельство, что дативные $(\tilde{a}v)-ie < *-ei : (s\acute{u}n-)-uo < *-ou = (\tilde{a}v)-i < *-i : ((s\acute{u}n)-u < *-u$ характеризуются древней „дублетностью“, кстати, известной не только в дативной форме ед. ч. данных основ, ср. еще, напр., номинативные (мн. ч.) флексии лит. диал. $(\tilde{a}v)-ies : (\tilde{a}v)-ys = (s\acute{u}n)-aus : (s\acute{u}n)-\acute{u}s$ и т. п. (о чем будем говорить в другой раз). „Дублетность“ этих же дативных $(\tilde{a}v)-ie < *-ei : (s\acute{u}n)-uo < *-ou = (\tilde{a}v)-i < *-i : (s\acute{u}n)-u < *-u$ представляет не что иное как апофонические „чистые i - и u -основы“, в первом случае, и неапофонические „чистые i - и u -основы“, во втором.

§ 20. Нет сомнения, что подобная „дублетность“ первоначально обуславливалась соответствующим дополнительным распределением (дистрибуцией). Лишний раз подчеркивая, что разбираемая „дублетность“ i - и u -основных флексий, являющаяся исконной (точнее, — не каким-то нововведением), предполагает первоначальное дополнительное распределение, мы однако не считаем необходимым в данной работе приступать к решению того, каким в те отдаленные времена было данное распределение.

⁹⁵ См. J. Endzelīns, op. cit., 131.

⁹⁶ Возводить $(\tilde{a}v)-ie$ к $*-e\acute{e}i$, как это делалось раньше (см., в частности, G. Gerullis, op. cit., 75), нет ни малейшего основания (с полным правом этого не делают, напр., Н. ван Вейк, Я. Эндзелин, О. Гуйер и др.), см. нашу работу ниже.

⁹⁷ С апофоническим resp. неапофоническим флексийным формантом (не с основными!) $*-i$ (точнее: $*-ei$ resp. $*-i$), о чем см. J. Kuryłowicz, The Inflectional Categories of Indo-European, Heidelberg, 1964, 195.

Возможно, прав (или в какой-то мере прав) Э. Бенвенист, считающий, что в „так называемых *i*- и *u*-основах“ прослеживаются „*deux types foncièrement distincts à l'origine, et qui, malgré quelques confusions, échanges ou réfections, conservent historiquement leur indépendance* : un type consonantique en **-y, *-w*, fournissant des neutres barytons, et un type à diphthongue en **-ei-, *-eu-*, fournissant des dérivés (adjectifs ou noms animés) oxytons“⁹⁸. Нам представляется целесообразным основы первого типа называть основами (существительных среднего рода⁹⁹) на неапофонические **-i* и **-u*¹⁰⁰ (по Э. Бенвенисту, — на согласные **-i̇* и **-u̇*), где основные сонанты **-i* и **-u* в зависимости от соответствующих позиций являлись гласными (напр., *medh-u*¹⁰¹) или согласными (напр., **medh-u + es > *madh-ues*). Считаем нужным еще раз подчеркнуть, что вышеупомянутая „дублетность“ *u*- и *i*-основ, в частности, балтийскими языками засвидетельствована сравнительно хорошо (относительно чего будем говорить еще в нижеследующих параграфах). О былой „дублетности“ (потерявшей свое первоначальное дополнительное распределение), напр., *u*-основы, к тому же, свидетельствуют и соответствующие балтийские resp. балто-славянские словообразовательные данные. В качестве примера приведем „дублетные“ образования (*u*-основа, распространенная соответствующими суффиксальными гласными):

I тип.: а) прилагательное ст.-сл. *mr̃b-tv-ō, -a, -o < *-tv-os, -ā, -o* (: лит. *mĩrti*), б) существительное (отглагольное) ст.-сл. *ši-tv-o* „*das Nähen*“ (: *ši-ti*) = прусс. *schu-tu-an* „*Zwirn*“ (: лит. *siū-ti*) = лит. *(au)tūvas* „обувь“ (: *aū-ti* „обувать“) *< *-tu + o(n) > -tuv*¹⁰², ср. еще ст.-сл. *kle-tv-a* (: *kle-ti*) = лит. диал. *(naš)-tv-à* „ноша“ (: *nėš-ti*) и т. п.; II тип.: а) прилагательное ст.-сл. *syn-ov-ō, -a, -o* (: *syn-ō*), б) существительное (отприлагательное) ст.-сл. *ṽbd-ov-a* = прусс. *widd-ew-ū* = лит.-лтш. *-ava* = др.-инд. *vidh-av-ā* (: др.-инд. *vid-ús* „*vereinsamt*“) и т. п.

⁹⁸ E. Benveniste, *Origines de la formation des noms en indoeuropéen*, I, Paris, 1935, 52.

⁹⁹ Вместе с Э. Бенвенистом допускаем, что они были баритонами.

¹⁰⁰ Наряду с основами на апофонические **-i* и **-u* или (по Э. Бенвенисту) основами на дифтонги **-ei-* и **-eu-* (производные: прилагательные и существительные одушевленного рода, видимо, — окситоны).

¹⁰¹ А не **medh-u*.

¹⁰² Что касается перехода **-tu + o(n) >* лит. *(au)tūvas*, а также **-ru + i* (с неапофоническим формантом **-i*, см. еще § 19) *>* хетт. *(ta)ruṣ-i* (дат.-мест. п. ед. ч.), **-ru + e/os* (с апофоническим формантом *-s*, ср. J. Kuryłowicz, l. c.) *>* хетт. *(tar)ruṣ-as* (род. п. ед. ч.) и т. п., точнее, что касается перехода *-Ku + A* [буквой *K* здесь обозначаем любой согласный (в том числе и сонантический) или группу согласных, буквой *u* — неапофоническую „чистую *u*-основу“ и буквой *A* — любой гласный (в том числе и сонантический)] *>* *Kuṣ-A* resp. (*Kuṣ-A >*) *-Kuv-A*, то появление (или непоявление) вставочного (см. ниже)

В образованиях I типа под *-tv-* (расширенным соответствующими суффиксальными гласными) скрывается, вероятно, основа на неапофонический **-u* (имя среднего рода), точнее, абстрактный (отглагольный) дериват с *-tu*¹⁰³; в образованиях же II типа под ст.-сл. *-ov-* = лтш.-лит. *-av-* (расширенным соответствующими суффиксальными гласными) находим, вероятно, основу на апофонический **-u-*, т. е. производное *u*-основное имя (прилагательное и существительное одушевленного рода), ср., напр., (для ст.-сл. *su-n-ov-ъ*, *-a*, *-o* и т. п.) ст.-сл. *syn-ъ* (производное существительное одушевленного рода)¹⁰⁴ и (для ст.-сл. *vbd-ov-a* и т. д.) др.-инд. *vidh-ú-ṣ* (прилагательное). Поскольку формы производные во всех именных типах возобладали над корневыми, то и корневые образования I типа, в частности, образования на *-tu* впоследствии могли включаться в состав типа на апофонический **-u-* (по Э. Бенвенисту, на **-eu-*)¹⁰⁵, — отсюда имеем „дублетность“, напр., лит. *pil-t-uv-as* (Sz D 165) < **-t-ū-*: *pil-t-av-as* (Sz D 131), лтш. *lie-t-av-as* „дождливая погода“: *lie-t-uv-as* „т. ж.“ < **-t-ū-*, прусс. *trin-t-av-(inni)* „Rächerin“ : *schu-tu-an* [**-t(u)ū-*] < **-t-ū-* и т. п.; ср. еще (другие образования с данными *-uv-* : *-av-*) лит. *lyk-uva* „чума“ : *lyk-ava* „т. ж.“, лтш. *laud-ava* „невеста“ : *laud-uva* „т. ж.“ и т. д. Здесь же можно привести и соответствующие данные балтийской топонимики (реки): 1. (с *-uva* < **-ūā*¹⁰⁶) лит. *Bárt-uva* (р-н Skuodas), *Vad-uva*, = *Vad-và* (р-н Skapiškis), *Dit-và* (р-н Eišiškės) и т. д., 2. (с *-ava*) лит. *Link-ava* (р-н Krekenava), лтш.

-u- в данном *-Ku- A* resp. *-Kuv- A* обусловлено (в соответствующих отдельных индоевропейских диалектах), по нашему мнению, в основном следующими причинами: 1. — а) синтактикой самого *-K+u-* в данном *-Ku- A*, — так, напр., в балтийских языках этот *-K+u-* > *-Kū-* может быть или недопустимым (напр., **-ntr+ū-*, **-m+ū-* и др.) или „необычным“ [напр., **-n+ū-*, ср. **(sū)n+u-es*, см. ниже] и б) влиянием *u*-основного *-Ku-* [напр., лит. *(sū)-nu-s* им. п. ед. ч.] на (*-Ku+ A*) *-Kū-* resp. *-Kv-* [напр., лит. **-nū-*, ср. **(sū)-nū-es* им. п. мн. ч.], где корневой *-K-*, будучи сонантом, явно „раздваивает“ структуру корня [ср. лит. *sū-nus* : **sūn-ues*, — сонант *-n-* по отношению к *-ū-* является гетеросиллабическим в первом случае и тавтосиллабическим (он впоследствии дал бы **-ūn-> -ūn-*) — во втором], 2. морфологическим обобщением данного *-Ku- A* (вместо *-Kū- A*), — в литовском это происходило даже в образованиях на *-tu+ A*, ср. лит. *(au)tūv-as* [здесь в какой-то мере мог содействовать также и „дублетный“ лит. — *(t)av(as)* на появление — *(t)uv(as)*]; но подобное обобщение в литовском произошло не везде, ср. „исключения“ типа лит. *paš-tv-a*, где *-tu+ A* > (*-tū- A*) *-tv- A* [= др.-инд. *(kar)tv-(as)* и т. п.]. Не вдаваясь здесь в более подробное обоснование сказанного, отметим, что в какой-то мере аналогичное следует сказать и о *-Ki+ A* (где *i* обозначает неапофоническую „чистую *i*-основу“). Ср. сноску № 117.

¹⁰³ Ср. Е. Benveniste, op. cit., 56—57, 71—72.

¹⁰⁴ Ср. Е. Benveniste, op. cit., 53 и сл.

¹⁰⁵ Ср. Е. Benveniste, op. cit., 57, 71—72.

¹⁰⁶ Здесь подразумевается **-ūā* из **-u+ā*, см. сноску № 102.

Ses-ava (ср. лит. *Šeš-uvà*, р-н Jonava), прусс. *Waig-aw* (ср. лит. *Váig-uva*, р-н Plokščiai) и т. д., ср. еще дублетные: лит. *Lat-uvà* = *Lat-avà* (р-н Anykščiai), *Týt-uva* (*Týt-va*, ср. *Mit-uva* и *Mit-va*, *Vad-uvà* и *Vad-va* и др.) = *Týt-au-ka* (р-н Tūtuvėnai) < *Týt-ava* и др. В соответствующих балтийских диалектах данные *-uva* и *-ava* претерпели определенное обобщение: в литовском чаще употребляется *-uva*, в латышском и, кажется, в прусском — *-ava*. В связи с вышеизложенным получают удовлетворительное объяснение и следующие этнонимические (восходящие несомненно к гидронимическим) „дублетные“ параллели: лит. *Liet-uvà* „Литва“ (=др.-русс. *Лит-ѡва*¹⁰⁷) < **Liet-va*¹⁰⁸ (=др.-русс. *Лит-ва*¹⁰⁵) и **Liet-ava* (=орд.¹⁰⁹ *Leth-ow-ia*)¹¹⁰, прусс. **Sūd-(u)vō* (=орд. *Zud-ua*) < **Sūd-vō* (=орд. *Sud-er-lant*¹¹¹) и **Sūd-avō* (=орд. *Sud-ow-ia*), прусс. **Skal-vō* (=орд. *Schal-w-en*) и **Skal-avō* (=орд. *Scal-ow-ia*) и т. п.

§ 21. Относительно локативной формы в балтийских, славянских, индоиранских языках следует в лишней раз подчеркнуть, что она особой resp. „парадигматической“ становилась здесь, видимо, не только не в общеиндоевропейскую, но и не в (обще)балто-славяно-индоиранскую эпоху, а го-

¹⁰⁷ Кроме формы *Лит-ѡва*, древнерусскому известна и форма *Лит-ва* (здесь имеем в виду Несторову летопись — Monumenta Poloniae historica, I, Warszawa, 1960, 551, 557, 702). Считать, что данное др.-русс. *Лит-ва* является поздней поправкой (вместо *Лит-ѡва*) переписчика, мало вероятно, в особенности, в связи с тем, что и лит. *Liet-uvà* возводимо к более древнему **Liet-va*. Следовательно, имеется основание полагать, что др.-русс. *Лит-ѡва* для данного литовского этнонима отражает более позднее состояние, чем др.-русс. *Лит-ва* (современное русс. *Лит-ва* может восходить и к *Лит-ѡва*), — эти же наши выводы (к которым мы пришли в 1960 г.) кратко изложены в „Pergalė“, 1964 (2), 169. Остальное о лит. *Liet-uvà* см.: К. Kuzavinis, Lietuvos vardo kilmė, — Kalbotyra, X (1964) 5—18.

¹⁰⁸ **Liet-va*, разумеется, из **Leit-ŭā* < *-tu + ā (где *-ā обозначен „традиционно“).

¹⁰⁹ Орд. = орденское, т. е. из документов Тевтонского ордена.

¹¹⁰ Имя Литвы с *-av-* употреблялось, вероятно, только некоторыми литовскими говорами и пруссами. Ср. еще лтш. *Liet-av-a*.

¹¹¹ По вышеизложенным соображениям прусс. **Sūd-uvō* возводимо к **Sūd-ŭō*; орд. *Suder* или (латинск.) *Sudi* „судава“, видимо, содержат **sūdŭ-* „=лит. **sūd-v-iai* = *sūd-uviai* (судава)“. Выпал ли данный *-ŭ-(или-v-) в немецком или прусском произношениях, трудно сказать что-либо более определенное: вполне возможно то и другое. В случае допущения прусского (т. е. не немецкого) перехода **sūdŭ-* > **sūd-* „*sūdūvis*, судав“ ср. лит. *piet-ŭs* „южный ветер“ (: *piēt-ūs* „юг“ plur. tantum) и лит. диал. *piet-vŭs* (*peit-vŭs*) „т. ж., *piet-ŭvis* „т. ж.“ или лтш. *leit-is* „lietuvis, литовец“ < **leit-vis* (: **Liet-va*) и т. п. Форма Σουδινοί (Птоломея) так же, видимо, предполагает **Sūdŭ-* (данный *-ŭ- мог исчезать и в греческом произношении) + суффикс *-in-* (по мнению К. Буги, славянский).

раздо позднее отдельно в этих же языковых группах¹¹². Образование соответствующих праиндоевропейских „адвербиальных“ форм (ед. ч.)¹¹³, в последствии ставших парадигматическими локативами ед. ч., зиждется на той же модели: I тип — „чистая основа“ или II тип — „чистая основа“ + (формант) $*(e/o)i$ ¹¹⁴. Данная модель, напр., для *u*-основы, характеризующейся исконной „дублетностью“ (см. выше) — а) $*-u$ (неапофоническая „чистая *u*-основа“) resp. б) $*-o/eu$ (апофоническая „чистая *u*-основа“), означает: I а) $*-u$ resp. б) $*-o/eu$ или II а) $*-u+(e/o)i$ resp. б) $*-o/eu+(e/o)i$. При этом надо считать, что „чистая основа“, как бесформантная [т. е. нераспространенная флексией формантом $*(e/o)i$], в данном случае, — I а) $*-u$ resp. б) $*-o/eu$ должна быть признана несомненно более древней, чем „чистая основа“ + $*(e/o)i$ [т. е. „чистая основа“, распространенная флексией формантом], в данном случае, — II а) $*-u+(e/o)i$ resp. б) $*-o/eu+(e/o)i$. В связи с этим полагаем, что индоевропейские дативные (ед. ч.) флексии типа лит. $(sūn)-uo <$ балт. $*ou =$ ст.-сл. $(syn)-u =$ галл. $(βρατ)-ου(-δε)$ resp. лит. $(sūn)-u <$ балт. $*-u$ отражают гораздо более древнее состояние, чем флексии типа ст.-сл. $(syn)-ov-i =$ хетт. $(ašš)-au-i$ ¹¹⁵ resp. прусс. $(dāt)-w-ei <$ $*-u+ei$ ¹¹⁶ = хетт. $(tar)-u-i <$ $*-u+i$ ¹¹⁷. Аналогич-

¹¹² Ср. „можно считать, что в древнейший период развития праславянского языка особая форма местного падежа отсутствовала и в сходной функции употреблялась чистая основа“ — В. В. Иванов и В. Н. Топоров, К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков, Москва, 1958, 16—17; см. сноску №64 и § 14.

¹¹³ Вобщем, формально совпадавших с праиндоевропейскими дативами, ср. J. Kuryłowicz, op. cit., 195.

¹¹⁴ Относительно флексии форманта $*-i$ (флексии форманта $*-i$, а не *i*-основного $*-i!$), выступающего в апофоническом виде ($*-e/oi$) и в неапофоническом ($*-i$), см. сноску № 97.

¹¹⁵ В хеттском представлен $-i$ (неапофонический флексией форманта $*-i$).

¹¹⁶ Прусс. $dāt-wei$ это — инфинитивная форма. Наряду с $dāt-wei$ прусский язык знает и $dāt$, которая необязательно (resp. не во всех прусских говорах) выводима из $*-t-i$, — она вполне может восходить и к $*-t-u$, содержащему *u*-основную флексию — неапофоническую „чистую *u*-основу“, ср. лит. $(neš)t-i(s)$ „нестись“, имеющее неапофоническую „чистую *i*-основу“, наряду с лит. $(neš)t-ie-(s)$ „нестись“ $<$ $*-tei$. Следовательно, прусс. $*(dāt)-u$: $(dāt)-wei =$ ст.-сл. $(syn)-u$ [= лит. $(sūn)-uo$]: $(syn)-ovi$.

¹¹⁷ Относительно данного $*-u(+i) >$ хетт. $-u-i$ (ср. сноску № 102. Замечание. В образовании флексии лит. $(vilk-, sūn)-ui$ и, напр., хетт. $(tar)-u-i$ наблюдается определенное типологическое сходство: та и другая восходят к $*-u+i$, т. е. к неапофонической „чистой *u*-основе“ + $*-i$. Вобщем, данные лит. $-ui$ и хетт. $-u-i$, разумеется, различны — это предопределено различной хронологией (и различными фонеморфологическими условиями) их образования в различных языках [отдельно в литовском (даже не в общелитовском, см. выше) и в хеттском, а не в общеиндоевропейском] и, к тому же, тем обстоятельством, что хетт. $*-u+i >$ $-u-i$ образовалась при наличии хетт. u (т. е. $u : u$), а лит. $-u+i >$ $-ui$. (см. выше) — уже при наличии лит. v (губно-зубной), т. е. в эпоху, когда „чередование“

ное следует сказать и об индоевропейских *i*-основных флексиях дат. п. ед. ч. (разумеется, и мест. п. ед. ч.).

§ 22. Заканчивая изложение некоторых наших соображений, отмечаем:

а) флексия лит. (*vil̃k*)-*uo* (*o*-основный дат. п. ед. ч.) является общебалтийским архаизмом, предполагающим и.-е. **-ō* (а не и.-е. **-ōi*)¹¹⁸. Данную и.-е. **-ō* целесообразно рассматривать как „чистую *o*-основу“, удлиненную. Ввиду того, что „чистая *o*-основа“ является, по сути дела, „чистой *o/e*-основой“¹¹⁹ [ср., напр., гр. (λύχ)-*ο(-ς)* : (λύχ)-*ε*¹²⁰], то вполне законно ожидать наряду с „дательной“ и.-е. **-ō* [напр., лит. (*vil̃k*)-*uo* дат. п. ед. ч.] также и „дательную“ и.-е. **-ē* [напр., гот. (*hamm*)-*e(-h)*, дат. п. ед. ч.]¹²¹. В отношении того, что еще отсутствует удлинение, более древнее состояние для „чистой“ *o/e*-основы“ (т. е. для и.-е. **-o/e*) отражает третья „дательная“¹²² и.-е. **-o+i resp. *-e+i* [т. е. „чистая *o/e*-основа + (формант) **-i*“¹²³], но это требует отдельного рассмотрения; однако, что касается предполагаемой и.-е. **-ōi*, то она в отношении добавленного форманта **-i* (к уже удлиненной „чистой *o/e*-основе“) является, видимо, не праиндоевропейской, а очень поздней.

б) Литовские (*sūn*)-*uo resp. (sūn)-u* (*u*-основный дат. п. ед. ч.) и (*āv*)-*ie resp. (āv)-i* (*i*-основный дат. п. ед. ч.) предполагают древнейшие *resp.* праиндоевропейские „дублиеты“: „чистую *u*-основу“ — **-o/eu* (апофоничес-

балт. **u* : **u̯* (или *u̯*, см. сноску № 102) *resp.* наличие балт. **u̯* (губно-губной) в литовском было, по всей видимости, уже пройденным этапом (относительно следов данного *u̯* в прусском см. Endzelīns, Senprūšu valoda, Rīgā, 1943, 34–35) — в литовском был уже *v* (из балт. **u̯*).

¹¹⁸ Примечание к §§ 7–8. В данной статье мы оставили без внимания тот вопрос, почему лит. (*vil̃k*)-*uo* имеет циркумфлектированную *-iō* < и.-е. **-ō*, а не акутированную, как это ожидалось бы (ср. твор. п. ед. ч. лит. *vil̃k-ū* < **-ūo* < и.-е. **-ō*). Предполагаемую метатонию „(предполагаемый) акут → циркумфлекс“ не трудно объяснить влиянием лит. (балт. **med-oi̯* >) *-iō* [датель ед. ч. : лит. (балт. **med-ōi* >) **-ūo* локатив ед. ч.], а так же влиянием флексий дат. п. ед. ч. и всех остальных основ (где акута явно не было).

¹¹⁹ Кстати, некоторые ученые данную основу и обозначают: *o/e*-основа.

¹²⁰ Гр. λύχ — зват. п. ед. ч. (данная форма является несомненно очень древней).

¹²¹ Праиндоевропейская *o*-основная форма с флексией (и.-е.) **-ō resp. *-ē* (удлиненная „чистая *o/e*-основа“) ← **-o resp. *-e* („чистая *o/e*-основа“), по нашему мнению, выполняла функции не только (праиндоевропейского) датива, но и некоторых других падежей [поэтому нам кажется излишним стремление некоторых ученых, возводящих, напр., гот. (*wulf*)-*a* (дат. п. ед. ч.) к и.-е. **-ō* или даже к **-ē*, искать в подобных формах инструменталь (ед. ч.)], однако подробнее говорить об этом здесь не позволяет объем данной статьи.

¹²² Точнее, „локативно-дательная“.

¹²³ С неапофоническим флексийным формантом и.-е. **-i*.

кую) resp. *-u (неапофоническую)¹²⁴ и „чистую *i*-основу“ — *-ei (апофоническую) resp. *-i (неапофоническую). Балто-славяно-индоиранские *u*- и *i*-основные локативные (ед. ч.) флексии в отношении удлинения [тип др.-инд. (*sūn*)-*āu*] являются сравнительно поздними (во всяком случае, не праиндоевропейскими). Если флексии (дат. п. ед. ч.) типа лит. (*sūn*)-*uo* < балт. *-*ou* = ст.-сл. (*syn*)-*u* resp. лит. (*sūn*)-*u* < балт. *-*u* и лит. (*āv*)-*ie* < балт. *-*ei* = ст.-сл. (*pqt*)-*i* resp. лит. (*āv*)-*i* < балт. *-*i* целесообразно считать праиндоевропейскими, то таковыми флексии типа ст.-сл. (*syn*)-*ov-i* (< сл. *-*ei*) resp. прусс. (*dāt*)-*w-ei* (инфинитив) и др.-инд. (*mat*)-*ay-e* resp. (*pat*)-*y-e* (< *-*ei*) в отношении добавления форманта *-*i* (здесь выступающего в апофоническом виде — *-*ei*), по нашему мнению, не следует объявлять. Что касается флексии лит. (*sūn*)-*ui* (*u*-основной дат. п. ед. ч.), то она содержит формант *-i*, добавленный к лит. (*sūn*-, *vil̃k*)-*u* очень поздно — приблизительно в тех же литовских (не пралитовских = общелитовских) говорах, где данная *-ui* известна и сейчас.

в) Полагаем, что уже в праиндоевропейском форма „дativa“ (ед. ч.) консонантных основ (в том числе и сонантических, за исключением *u*- и *i*-основ) знала не только флексию „чистая основа“, но и флексию „чистая основа + (флексионный¹²⁵ формант) *-*i*“¹²⁶. Видимо, отсюда этот и.-е. *-*i* позднее был перенесен и в другие основные, т. е. был „приклеен“ и к другим „чистым основам“ : сперва — к „чистой *ā* (resp. *ē*-) основе“, позднее (в соответствующих индоевропейских диалектах) — и к (соответствующим) другим „чистым основам“, а, напр., в греческом — даже к удлиненной „чистой *o*-основе“.

¹²⁴ В нашей статье отведено много места для выяснения того, каким образом лит. (*sūn*)-*uo* восходит к и.-е. *-*o/eu*, почему лит. (*sūn*)-*u* и (*sūn*)-*ui* целесообразно считать *u*-основными флексиями, почему имеется совпадение лит. (*sūn*)-*uo*, *-u*, *ui* = лит. (*vil̃k*)-*uo*, *-u*, *-ui*.

¹²⁵ Не *i*-основной *-*i*!

¹²⁶ Разумеется, с данным *-*i* апофоническим (= *-*ei*) resp. неапофоническим (= *-*i*).

Замечание к нашей статье „Некоторые фонетические аспекты балто-славянской флексии“, — *Balstistica*, I (1), 17—30. Проблема о границах балто-славянского слога гораздо сложнее, чем мы ее коснулись в § 6 (ор. cit.). Кстати, в этой же статье для нас важнее была не столько данная проблема, сколько следующее, по нашему мнению, продолжающее оставаться в силе: консонантно-закрытая позиция (=закрытый слог) для балт.-сл. **ō̄* : **ō* и сонантно-закрытая позиция (=дифтонгическое положение) для балт.-сл. **ō̄* были только в исходе слова (а сонантно-закрытая позиция для балт.-сл. **ō* — как в исходе, так и в неисходе слова), *mutatis mutandis*, мы не находим балто-славянских слов (примеров), в середине или начале которых прослеживались бы консонантно-закрытая позиция для балт.-сл. **ō̄* : **ō* и сонантно-закрытая позиция для балт.-сл. **ō̄*. Далее. Ст.-сл. (*ber*)-*u* может восходить, кажется, не только к сл. *-*ōn* (как это мы делали в ор. cit., сноска № 36), но и к сл. *-*onx*(?), однако это, как попытаемся доказать позднее, не противоречит нашему возведению лит. (*akt*)-*uō* = ст.-сл. (*kam*)-*u* к балт.-сл. *-*ōn* (ор. cit.).

ZUM BALTISCHEN UND INDOGERMANISCHEN DATIV SINGULAR

Zusammenfassung

Vorerst ist in Betracht zu ziehen, daß das lit.-lett. *uo* nicht allein auf das idg. **ō* zurückzuführen ist, sondern sich auch (ausschließlich im Litauisch-Lettischen, nicht aber im Altpreußischen) aus dem ursprünglichen *u*-Diphthong – sowohl aus dem langen wie auch aus dem kurzen – entwickelt hat (jedoch nicht aus dem idg. **ōu*, vgl. J. Kuryłowicz).

In den litauischen Dialekten haben sowohl die *o*-stämmigen Nomina (z. B. *vil̃kas*) wie auch die *u*-stämmigen (z. B. *sūñs*) die gleichen Flexionen im Dativ Sg. – (*vil̃k*)-*uo* : (*vil̃k*)-*u* ; (*vil̃k*)-*ui* = (*sūn*)-*uo* : (*sūn*)-*u* : (*sūn*)-*ui*.

Die im Beitrag angeführten Argumente sollen Folgendes begründen:

a) die Flexion lit. (*vil̃k*)-*uo* (Dat. Sg. der *o*-stämmigen Nomina) ist ein gemeinbaltischer Archaismus, der nicht idg. **-ōi*, sondern ein idg. **-ō* (> lett. **-uo*, apreuß. *sīr-u* „dem Herzen“, got. *wulf-a* u. a.) voraussetzt. Diese *o*-stämmige Flexion idg. **-ō* kann als verlängerter „reiner *o*-Stamm“ betrachtet werden. Da der „reine *o*-Stamm“ eigentlich ein „reiner *o/e*-Stamm“ ist, darf neben dem idg. („Dativ“) **-ō* (z. B. lit. *vil̃k-uo*) auch die „Dublette“ idg. **-ē* (z. B. got. *hamm-e-h*) angesetzt werden. Vielleicht spiegelt sich auch in der *o*-stämmigen Flexion des Dat. Sg. mancher indogermanischen Dialekte die 3. Variante – idg. **-ōi* bzw. **-ēi* (d. h. der „reine *o/e*-Stamm“ + **i*) wider. Diese Frage jedoch wird in unserem Beitrag nicht ausführlicher erörtert, da sie sich mehr auf das Problem des idg. „Lokativs“ als auf das des idg. „Dativs“ bezieht, obwohl wir uns bewußt sind, daß beide Probleme eng miteinander verbunden sind.

b) Die Flexion lit. (*sūn*)-*uo* (die Form der *u*-stämmigen Nomina im Dat. Sg.) ist ein allgemeinlitauisch-lettischer Archaismus, der (nicht phonetisch) auf das balt. **-ōu* (> aksl. *syn-u* u. a.) zurückgeht. Neben dem balt. **-ōu* (> lit. *sūn-uo*) lag auch eine „Dublette“ balt. **-ū* (> lit. *sūn-u*) vor, d. h. der ablautende „reine *u*-Stamm“ (balt. **-ōu*) und der nichtablautende „reine *u*-Stamm“ (balt. **-ū*), vgl. auch die *i*-stämmigen „Dubletten“ des Dat. Sg. balt. **-ei* (> lit. *āv-ie*) und balt. **-i* (> lit. *āv-i*). Wir erklären im Baltischen die zusätzliche Distribution dieser „Dubletten“ in Anlehnung an die bekannte Theorie von E. Benveniste über die indogermanischen *u*- und *i*-Stämme.

c) Die Erscheinung der „Flexionsdubletten“ begann im Dat. Sg. der *u*- (und *i*-) Stämme zu schwinden, aber nicht im Gemeinbaltischen, sondern erst in den einzelnen baltischen Dialekten. Die Flexion lit. (*vil̃k*)-*u* (die Form des Dat. Sg. in den *o*-stämmigen Nomina), die weder auf *-uo* noch auf *-ui* zurückzuführen ist, scheint das Vorhandensein dieser „Dubletten“ im Urlitauischen zu bezeugen noch eine gewisse Zeit nach dem Übergang (d. h. der Monophthongierung) von balt. **-ōu* zu lit.-lett. **-uo* (> lit. *sūn-uo*); dabei ist das Entstehen der Flexion lit. (*vil̃k*)-*u* wahrscheinlich folgendermaßen zu erklären : nach Übergang der *u*-stämmigen „Dubletten-flexionen“ balt. **-ōu* : **-ū* zu den lit. *-uo* : *-u* erscheint neben der *o*-stämmigen Flexion lit. *-uo* (< idg. **-ō*) auch die „*o*-stämmige“ Flexion lit. *-u*, d. h. lit. (*sūn*)-*uo* : (*sūn*)-*u* = lit. (*vil̃k*)-*uo* : *x*, wo *x* = lit. (*vil̃k*)-*u*. Die Flexion lit. (*sūn*)-*ui* = (*vil̃k*)-*ui* jedoch geht auf die Flexion lit. (*sūn*)-*u* = (*vil̃k*)-*u* zurück, die durch das Formans *-i* erweitert ist; das letztere vollzog sich nicht im Gemeinlitauischen, sondern etwa in den gleichen litauischen Dialekten, in denen heute die Flexion *-ui* vorliegt. Daraus folgt, daß die Flexionen lit. (*vil̃k*)-*u* und (*vil̃k*)-*ui* ihrer Herkunft nach nicht *o*-, sondern *u*-stämmig sind. Ebenso *u*-stämmig (wenngleich auch aus anderen Gründen) ist die Flexion aksl. (*vl̃bk*)-*u* (Dat. Sg. der *o*-stämmigen Nomina), die die *o*-stämmige Flexion sl. **-ā* (= lit. *vil̃k-uo* < idg. **-ō*) verdrängt hat.

d) Wenn die Flexionen vom Typus lit. (*sūn*)-*uo* < idg. **-ou* (**-eu*) bzw. lit. (*sūn*)-*u* < idg. **-u* und lit. (*āv*)-*ie* < idg. **-ei* bzw. lit. (*āv*)-*i* < idg. **-i* als urindogermanisch [„reiner

(ablautender oder nichtablautender) *u*-Stamm“] anzusehen sind, so dürfen die Flexionen vom Typus aksl. (*syn*)-*ov-i* (aksl. *-i* < sl. **-ei*) bzw. apreuß. (*dāt*)-*w-ei* (Infinitiv) und aind. (*mat*)-*ay-e* bzw. (*pat*)-*y-e* als solche nicht betrachtet werden hinsichtlich des zum „reinen (ablautenden bzw. nichtablautenden) *u*-Stamm“ hinzugefügten Formans **-i* (im vorliegenden Falle tritt es in ablautender Form auf – **-ei*).

e) Wir nehmen an, daß bereits im Urindogermanischen „die Dativform“ (Sg.) der konsonantischen Stämme (die sonantischen Stämme mit Ausnahme der *u*- und *i*-Stämme einbezogen) nicht allein die Flexion „reiner Stamm“ kannte, sondern auch die Flexion „reiner Stamm“ + **i* (wo das Flexionsformans **-i* auch als **-ei* auftreten konnte). Anscheinend hat sich späterhin hauptsächlich aus dieser Form dieses idg. **-i* auf die Formen des Dat. Sg. anderer Stämme verbreitet. Das bedeutet, daß es auch zu den anderen „reinen Stämmen“ hinzugefügt wurde: zuerst zu dem „reinen *ā*- (bzw. *ē*-) Stamm“, später (in den entsprechenden indogermanischen Dialekten) auch zu den (entsprechenden) anderen „reinen Stämmen“; z. B. in den griechischen Dialekten ist es sogar in dem verlängerten „reinen *o*-Stamm“ zu beobachten.